

Умярова Ляйля Рушановна

аспирант кафедры мировой культуры
Института гуманитарных и прикладных наук
Московского государственного
лингвистического университета

ДИАХРОНИЧЕСКИЙ И СИНХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ТАТАР

Аннотация:

В статье представлены результаты исследования по проблемам этнокультурной идентичности татарского народа в синхроническом и диахроническом аспектах, а также трансформации феноменов культурной политики и памяти. Новизна изложенных результатов выражается в использовании междисциплинарного подхода к предмету, попытке построения авторской концепции мировоззренческих установок татар в синхроническом и диахроническом аспектах с выделением рационального, эмоционального и поведенческого компонентов. Анализируются современные особенности формирования этнокультурной идентичности татар, ее связи с исторической памятью народа. Сформулирована общая модель синхронического и диахронического аспектов мировоззренческой модели этнокультурной идентичности татар. Выдвинуто и обосновано предположение о нахождении сходных компонентов (рациональных, чувственных, ментальных, поведенческих), свойственных для синхронического и диахронического взглядов на вопросы этнической идентичности.

Ключевые слова:

идентичность, культурная политика, культурная память, тюрки, татары, ислам, процессы трансформации этноса, межкультурное взаимодействие

Umyarova Lyailya Rushanovna

PhD student,
Department of World Culture,
Institute of Humanities and Applied Science,
Moscow State Linguistic University

DIACHRONIC AND SYNCHRONIC ASPECTS OF CULTURAL IDENTITY OF THE TATARS

Summary:

The paper presents the results on the issues of ethnic and cultural identity of the Tatar people in the synchronic and diachronic aspects; the phenomenon of cultural policy and memory and their transformation. The novelty of the presented results is associated with the use of an interdisciplinary approach to the subject, an attempt to build the author's concept of worldview attitudes of Tatars in a synchronic and diachronic aspect with the allocation of a rational, emotional and behavioral component. An attempt is made to analyze the modern features of the formation of the ethnic and cultural identity of the Tatars, its connection with the historical memory of the people. A general model of the synchronic and diachronic aspects of the worldview model of the ethnic and cultural identity of the Tatars was formulated. The assumption of finding similar aspects (rational, sensory, mental, behavioral) characteristic of the synchronic and diachronic view on issues of ethnicity is put forward and justified.

Keywords:

identity, cultural policy, cultural memory, Turks, Tatars, Islam, ethnicity transforming, interculturalism

Актуальность исследования обусловлена усилением внимания к этническому своеобразию народов на фоне глобализационных процессов. В ситуации повседневного воздействия мощных информационных технологий на образ жизни и культуру усложняется проблематика сохранения этнокультурной идентичности. В условиях кризиса национального и культурного самоопределения народов, который отмечается во всем мире, национальные элиты нередко используют возможности социального мифотворчества, идеологического и религиозного конструирования новых форм этнокультурной идентичности. Вместе с тем исследований, посвященных мировоззренческим аспектам идентификационных стратегий вообще и татарской в частности, в современной отечественной культурологии явно недостаточно.

Научная новизна работы состоит в использовании ресурса взаимодополнительности междисциплинарной, прежде всего культурфилософской, методологии изучения этнокультурной идентичности. Теоретическая значимость заключается в обосновании типа и этапов исторической динамики мировоззренческих оснований этнокультурной идентичности татарского народа, что впоследствии может быть применено к анализу генезиса идентичности других народов. На базе исследования выстроена модель трансформаций татарской идентичности на современном этапе в соответствии со сменой доминирующих мировоззренческих установок. Результаты позволят углубить теоретические представления о содержании, формах и специфике исторической динамики этнокультурной идентичности.

Изучение идентификационных процессов как таковых в качестве самостоятельного научного направления имеет относительно краткую историю. Однако сама проблематика уходит в глубокое прошлое, когда человек впервые задал себе вопрос: «Кто я?» Ответ практически полностью зависит от контекста вопрошания и может включать в себя пол, возраст, расовые особен-

ности, этнический, конфессиональный, социальный аспекты. Говоря о мировоззренческом контексте этнокультурной идентичности, мы вторгаемся в принципиально межпредметное и полисемантическое пространство.

Объектом исследования выступает идентичность татарского этноса, предметом – динамическая трансформация татарской идентичности. Цель – выявить векторы динамики этнической идентичности татар в экстра- и интрообразах. Задача данной статьи состоит в анализе диахронического и синхронического аспектов культурной идентичности татар в экстра- и интрообразах.

Мировоззрение – философская категория, определяющая процесс осмысления и адаптации человека или группы лиц (этноса) к окружающей действительности. Исследователи выделяют макро- и микроуровень бытования мировоззрения, что соответствует коллективным и индивидуальным мировоззренческим моделям поведения и восприятия действительности.

Мировоззрение представляет собой коллективно и индивидуально создаваемую конструкцию, основанную на символических, актуальных с субъективной и объективной точек зрения, структурах, таких как мифология, отраженная в фольклоре и культурной памяти, и религия, определяющая взаимодействие с экзистенциальными вызовами. «Проблема природы и смысла общественной жизни есть, очевидно, часть, и притом, как это ясно само собой, очень существенная часть проблемы природы и смысла человеческой жизни вообще – проблемы человеческого самосознания. Она связана с вопросом, что такое есть человек и каково его истинное назначение» [1].

Мировоззрение осуществляет мотивационную, интерпретативную, адаптационную, консолидирующую функции в системе жизнедеятельности человека и этноса. Мировоззрение этноса может определяться примордиальными чертами (территориальной, языковой, религиозной общностью) и зависеть от наднациональных аспектов (государственной идеологии, межкультурного взаимодействия).

Изучение этнокультурной идентичности имеет междисциплинарный характер. На сегодняшний день в науке не существует единого мнения об основополагающих элементах идентичности. Сама она проходит трансформацию от механизма отделения себя от других, прежде всего чужаков, к институции, формирующей мнение о собственной этнокультурной природе в синхроническом и диахроническом аспектах.

По мнению Л.А. Иткуловой, «сущность мировоззрения этноса как социокультурного явления раскрывается как базовая характеристика примордиальности, которая позволяет реализовать смысловые основы существования человеческого рода как природной и социальной ценности» [2, с. 8]. Несмотря на критическое отношение к примордиальной теории в современной науке, отметим ряд элементов, выделенных Л.А. Иткуловой для башкирского этноса, актуальных для татарского: 1) наличие этнонима; 2) представление о Поволжье (Урале – для башкир) как о регионе происхождения и преимущественного проживания; 3) язык и мелодика народного творчества как отражение специфической картины мира; 4) «осмысление в соответствии с ментальными характеристиками и мировоззренческими установками фундаментальных ценностей культуры (коллективизм, героическая интенция мировоззрения, стремление к свободе, справедливости, благу, добру и красоте)»; 5) «наличие такого объединяющего башкирский этнос мировоззренческого фактора, как духовные ценности ислама, а также ценности иных религий и философских традиций, образующих российский суперэтнос» [3, с. 10–11].

Таким образом, мы исходим из предположения, что татары представляют собой единый этнос, имеющий в себе субэтнические группы, основанные на территориальном (мишари, астраханцы, казанцы, сибирские татары) и конфессиональном (кряшены) аспектах. Объединяющими аспектами, по нашему мнению, являются общее происхождение, религиозные ценности, основанные на монотеизме (ислам в данном случае предстает доминирующей, но не единственной религией), литературный язык, музыкальная культура (таблица 1).

Таблица 1 – Мировоззренческие установки этнокультурной идентичности татар

Синхронический аспект	Диахронический аспект		
	Род <i>Полностью отражает интрообраз культуры</i>	Этнос <i>Частично отражает интрообраз культуры, частично – экстраобраз</i>	Нация <i>Полностью отражает экстраобраз культуры</i>
1	2	3	4
Рациональный компонент	Память рода; территория в значении малой родины, родовой деревни; связь с историей государства и народа через судьбу собственной семьи	Культурная память; великий предок; память о собственной государственности, представления о религиозной принадлежности как примордиальной черты (всегда относились только к этой религиозной традиции), религиозные установки	<i>Политика</i> культурной памяти в ее связи с экономическими приоритетами и актуальными <i>внешними</i> вызовами (культивирование образа Волжской Булгарии); целенаправленное использование религиозного аспекта для формирования положительного экстраобраза (традиционный ислам, новометодная проповедь как шаг к либерализации и демократизации сообщества)

Продолжение таблицы 1

Чувственный компонент	Традиция воспитания детей; музыкальная культура (колыбельные); поддержание уз родства; логика заключения брачных союзов, выбор невесты; отношение к страшим, включая братьев и сестер; выбор места погребения (родовая деревня)	Формализованные жизненные установки, выраженные в поговорах, поговорках, сказках, легендах, сказаниях, песенной культуре в полном объеме	Литература, театр драматический и музыкальный (балет «Шурале», национальные труппы, выведение фольклора на специализированный уровень культуры); использование этнической культуры на максимально обобщенном уровне, формирующем экстраобраз без учета региональных особенностей
Ментальный компонент	Ощущение внутреннего единства семьи как этнической особенности (сохранение понятия «большая семья»); кодексы «правильного» поведения для мужчин и женщин	Субэтнические особенности, связанные с местом исторического проживания и историческими условиями бытования (климат, взаимоотношения с соседними народами, степень ассимиляции)	Сохранение, изучение ментальных характеристик; сознательное выявление и подчеркивание положительных особенностей национального характера, мифологизация его
Поведенческий компонент	Туй (праздник); использование элементов традиционного быта, национального костюма в повседневной жизни; знание и применение родного языка (в его диалектной форме)	Сабантуй областного и республиканского уровня; манифестация этнической принадлежности через использование элементов костюмного корпуса (тюбетейка у мужчин); национальные виды физической активности (верховая езда, борьба, стрельба из лука); поддержание, обучение, применение в быту и социальной сфере родного языка в его диалектной и литературной формах	Всемирные, всероссийские, национальные конгрессы; система образования на национальном языке; формирование системы высшего образования с учетом национальных особенностей (Булгарская академия); закрепление части традиций, способствующих формированию положительного экстраобраза, на специализированном уровне (фестивали, сабантуи); манифестация национальной культуры средствами архитектуры (мечеть Кул Шариф, Булгарский комплекс); брендинг территории в соответствии с трендами политики культурной памяти; создание брендов одежды с национальными элементами

Либерализация взглядов на ислам, постулирование его как возможного проводника прогресса, а не фанатических ограничений стали важными элементами идентичности, из памяти было извлечено стремление к знаниям, но «забыта» пантюркистская составляющая. По утверждению Ю.М. Лотмана, «каждая культура определяет свою парадигму того, что следует помнить (т. е. хранить), а что подлежит забвению. Последнее вычеркивается из памяти коллектива и «как бы перестает существовать». Но сменяется время, система культурных кодов, и меняется парадигма памяти – забвения» [4, с. 201]. Как отмечал М. Хальбвакс, «общество стремится устранять из своей памяти все, что могло бы разделять индивидов, отдалять друг от друга группы; в каждую эпоху оно перерабатывает свои воспоминания, согласовывая их с переменными факторами своего равновесия. <...> ...если воспоминания возникают вновь, значит, общество в каждый момент располагает необходимыми средствами для их воспроизведения» [5].

Мусульманский и тюркский мир многократно за XX в. пересматривал приоритеты развития как в интровертивном смысле, так и экстравертивном. Традиционное вероисповедание татар – ислам суннитского толка, Ханафитский мазхаб в новейший период пережил все вызовы и потрясения, которые были связаны с крахом советской идеологии, глобализмом, миграционными и деструктивными процессами. Оказалось недостаточным причислить себя к мусульманам, необходимо было продемонстрировать позитивный характер его прочтения местным этническим сообществом. В этом плане актуализация опыта Волжской Булгарии, основание Булгарской исламской академии в 2017 г., выпуск первых докторов исламских наук призваны сформировать положительный имидж этого мусульманского региона, а также укрепить его позиции в качестве государствообразующего.

Ориентация в политике памяти именно на Булгарию призвана также снять «негативные стереотипы и культурные травмы» [6, с. 13] в межэтническом и межконфессиональном взаимодействии. С помощью обращения к этому пласту исторического опыта татарского народа был

сделан «переход от политического контекста актуализации к контексту туристическому и культурному» [7, с. 13]. Дополнительным положительным фактором использования Булгарии в качестве великого предка выступает возможность ее применения как основания для объединения всех татарских групп под общим началом. Необходимо согласиться, что «этноцентризм следует рассматривать как проективный симптом внутренних психологических состояний индивидов» [8, с. 114], таким образом, «статус “титულიной” этнической группы часто приводит к тому, что конструирование образа Татарстана в публичном дискурсе является одновременно и конструированием образа татар» [9, с. 13].

Сложность анализа идентификационных процессов заключается в их многослойности и многозадачности. Во-первых, с точки зрения индивида, происходит соотнесение себя и этноса (я – русский, я – татарин). «Соборность есть единство “я” и “ты”, вырастающее из первичного в данном отношении единства “мы”. Соборное единство коренится в жизненном содержании самой личности» [10], отождествление себя и этнической группы формирует жизненные установки.

Во-вторых, группа определяет свой этнос через спектр характеристик. Создаются два образа: для себя и для других. Интрообраз может иметь ряд сужающих элементов, например по профессиональному или территориальному принципу (мы – кряшены, мы – мишари). Экстраобраз оперирует большим количеством мифологем, актуальный набор которых обусловлен идеологической востребованностью текущего дня (мы – чингисиды, мы – наследники болгарской мудрости). Еще К. Ясперс, анализируя исторический процесс, говорил о смене видов сознания от мифологического через религиозное к рациональному. В ходе идентификации можно наблюдать похожие явления. Миф, став материалом языка, выражает в нем уже «не его исконное содержание, а нечто совсем иное, превратив его в символ» [11, с. 33]. В силу общего ядра становления идентичности этноса (происхождение, религиозные основы, язык, традиции и связанная с ними музыкальная культура) мы предполагаем наличие сходных аспектов в формировании идентичности как в статике (синхрония), так и в динамике (диахрония). В динамическом ключе на первый план выступает манифестация наиболее значимого на данном историческом этапе аспекта (поведенческого, рационального, чувственного и т. п.), выбор которого обусловлен внешними факторами.

В-третьих, можно говорить о тенденции вписывания идентификационных процессов отдельных народов в формировании нации и надэтнической идентичности. В этом случае ключевые аспекты (великий предок, становление/утрата государственности, принятие/смена религии, особенности национальной архитектуры) жизни этноса рассматриваются как частный случай в создании государственной идентичности. В силу этого взгляд региональных и федеральных ученых может иметь разную систему координат. В более обобщающем плане вперед выдвигаются глобальные тренды, а не местные приоритеты. Духовные основы будут соотнесены с конституцией страны, а духовные ценности на первый план выведут консолидирующую роль религии. По мнению Л.В. Баевой, «собственная динамика развития инновационного мышления и оценивания, абсолютизируя давние перемены, обусловила и подготовила переход к отрицанию собственных приоритетов. Западное восприятие под влиянием внутренних ценностных факторов подошло к состоянию негативной оценки вещного бытия, составляющую сущность традиционного миропонимания» [12, с. 218].

Рассматривая синхронистический и диахронический аспекты этнокультурной идентификации татар, следует предположить, что культурная память может переживаться как непосредственный опыт семьи или рода в его взаимосвязи с судьбой страны и этноса, а может выступать частью специализированной политики культурной памяти, в этом случае ее задачами являются формирование позитивного экстраобраза этноса, преодоление культурных травм и фобий.

Важнейшим аспектом внешней манифестации, затрагивающей повседневную жизнедеятельность людей, следует назвать брендинг территории посредством ее этноспецифической маркировки и продвижение ее в таком виде на рынке культурных и туристических услуг. Проблема монетизации культурного наследия приводит к формированию целых туристических кластеров, изюминку которых составляют этноориентированные анимационные программы, национальная кухня, элементы этнической культуры, вплетенной в быт поселения. Последнее одновременно поддерживает сохранение национальной культуры и обеспечивает рабочими местами ее носителей. В этой же логике создаются линии модной одежды с ориентацией на национальные традиции. Свадебная мода в данном случае предназначена для внутренней аудитории, фолк-стиль – внешней.

Диахронный аспект этнокультурной идентичности, по мнению И.В. Малыгиной, «представляет собой напластование социокультурных оснований исторических форм этнокультурной идентичности: родовой, этнической и национальной» [13, с. 134]. Представляется, что абсолютно

разграничить синхронический и диахронический аспекты вряд ли возможно в силу того, что родовая, этническая или национальная организация также имеет рациональную, чувственную, ментальную и манифестируемую поведенческую сторону бытования.

На этническом уровне присутствуют те же элементы синхронического аспекта, о которых мы говорили применительно к роду, но в отличие от него этнос демонстрирует смешанный тип культурного образа – частично экстравертивный, частично интровертивный. Прежде всего эта тенденция связана с бытованием языка в диалектных и литературных формах.

Память культуры на родовом уровне существует в истории семьи в неразрывном соединении с судьбой народа и государства, а также закреплена в месте родового погребения, деревни, мечети, которую строили предки, написанном своде правил поведения между членами семьи, отношениях старших и младших не только в межпоколенческом направлении, но и в горизонтальном. Несмотря на глобализационные процессы, устойчивыми оказываются обычаи и обряды жизненного цикла, связанные с рождением ребенка, свадьбой. При этом тюркская и мусульманская компоненты хотя и являются базовыми, но претерпевают сознательные трансформации с целью продемонстрировать приверженность принципам федерализма и толерантности в межкультурных межконфессиональных взаимодействиях.

По итогам исследования целесообразно сделать следующие выводы.

1. В результате изучения литературы можно отметить трансформацию идентичности от механизма отделения себя от других, прежде всего чужаков, к институции, формирующей мнение о собственной этнокультурной природе в синхроническом и диахроническом аспектах.

2. В ходе анализа мировоззренческих установок мы предположили, что татары вне зависимости от территории проживания являются единым этносом, объединенным общим происхождением, литературным языком, музыкальной культурой, с рядом специфических черт, обусловленных местом бытования и конфессиональной принадлежностью (мусульмане/православные).

3. Сегодня культурная политика, будучи направленной на монетизацию культурного наследия, брендинг территории, расширение рынка туризма и труда, обладает помимо идентификационной составляющей еще и экономической, которая, впрочем, тоже является частью идентификационных процессов для новых поколений.

4. Трансформация значимых элементов повседневной жизни, языка в его литературной и диалектной формах, а вместе с тем и динамическое изменение системы кодов, безусловно, являясь частью диахронического аспекта этнокультурной идентичности, в каждый отдельный момент может быть зафиксирована и в синхронических категориях. На уровне рода диахронический аспект демонстрирует интрообраз культуры, а на уровне нации – экстраобраз.

Ссылки:

1. Франк С.Л. Духовные основы общества. М., 1992. 511 с.
2. Иткулова Л.А. Мировоззрение этноса как социокультурное явление: философский анализ : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Уфа, 2018. 37 с.
3. Там же. С. 10–11.
4. Лотман Ю.М. Память в культурологическом освещении // Избранные статьи. Т. 1. Таллин, 1992. С. 200–202.
5. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007. 348 с.
6. Озерова К.А. Политика памяти как механизм формирования этнической идентичности (на примере конструирования памяти о Волжской Булгарии в Республике Татарстан) : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Казань, 2020. 25 с.
7. Там же. С. 13.
8. Малыгина И.В. Идентичность в философской, социальной и культурной антропологии : учебное пособие. Изд. 2-е. М., 2018. 240 с.
9. Озерова К.А. Указ. соч. С. 13.
10. Франк С.Л. Указ. соч.
11. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. 527 с.
12. Баева Л.В. Ценностные основания индивидуального бытия: опыт экзистенциальной аксиологии : монография. М., 2003. 238 с.
13. Малыгина И.В. Указ. соч. С. 134.

Редактор: Тюлюкова Мария Олеговна
Переводчик: Мельников Евгений Вячеславович